

В тыловой России

Утро 22 июня выдалось погожим. Ура! Сегодня мы идём в лес! Мама накануне купила пряники и морс. Как хорошо! И солнышко светит ярко-ярко!

Пока мама собирается, я отправилась к подружке Гале. Всего-то через улицу перейти. Песочек тёпленький, приятный, иду босиком. А у них почему-то все плачут и смотрят на тарелку радио.

«Война. Иди, скажи маме», – сказала мне бабушка Гали. Я вышла на улицу, а песок стал огненным. Я заплакала, ступить не могу... Иду и реву... Мама услышала: «Ты чего? Ногу порезала?» – спрашивает она у ворот. «Война!» – отвечаю я. Мама бросилась в дом включить радио. Зашла я в комнату: мама у тарелки радио. Плачет. А я наревелась, пить хочу. «Мама, можно я морс попью?» Молчит. Я нечаянно весь морс и выпила. «Мама, можно я пряник возьму?» Молчит. Я пряник взяла, а он в рот не лезет. Думаю: что же такое война?

Морс можно пить, пряники можно есть. Хорошо. Но почему мама плачет? Значит, война – плохо?

Не понимала я, что такое война, но почувствовала её своей кожей. Ножкам моим казалось, что я по углям шла... Это уже потом я узнала, что война – это голод, холод и болезни: воспаление легких, дизентерия, свинка. Антибиотиков тогда ещё не было, лечили банками, квасцами, помогали рыбьим жиром и пивными дрожжами. А ещё нас поднимали заботливые руки самоотверженных медиков.

На следующий день, 23 июня, мама ушла на станцию переливания крови, но доктор там ей сказала: «Вам нельзя сдавать кровь. Ваш организм не сможет восстанавливать потерю крови».

И тогда мама стала ходить на станцию, куда прибывали эшелоны красноармейцев, отправляющихся на фронт. Мама обращалась к ним с напутственным словом о великих наших полководцах, как Александр Невский, Александр Суворов, Василий Чапаев. Они будто

ангелы-хранители помогали нашим бойцам выстоять, победить.

Всё лето мама ходила на станцию, а возвратившись, плакала. Однажды я спросила, зачем она ходит на станцию. Она ответила: «Ты слышала по радио: “Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой

С фашистской силой темною, / С проклятою ордой”... Понимаешь? Священная война!»

И впредь к ней частенько приезжала в школу машина и прямо с урока увозила на станцию. Бойцам нужно было напутственное материнское слово.

А я продолжала ходить в садик. Помню, в понедельник, 23 июня 1941 года, после сончасы к нам забежал фотограф, но наша воспитательница Ольга Ивановна сказала: «Вот я объявлю родителям о фотографировании, дети завтра придут наряженными, тогда и фотографируйте». И он пришёл на следующий день. Не все дети оказались приодетыми, но фотография всё-таки получилась хорошая.

Мы с ребятами весело напевали: Внимание, внимание!

Говорит Германия:

Немцы- карапузы

Объелися арбуза.

Не знаю, откуда взялась эта песня...

В стране объявили воинскую повинность. Выдали нам карточки на продукты. Взрослые стали работать по 12 часов, к станкам в 11 лет становились подростки, в колхозах за плугами тоже работали подростки.

«В войну, в тыловой опустевшей России / Мальчишкам оставили труд мужики», – напишет потом Николай Благов.

Мне не довелось провожать отца на фронт – он был на командирских сборах под Брянском, но почти у всех ребят, живших на нашей улице, отцов забрали на фронт.

Однажды я увидела, что мама ходит в школу в платье из мешковины. «Мама, что это?» – «Тетя Груня сшила. Многие у нее нынче пошили себе такие. Оберег!» Я возмутилась: «Мне не нравится!» Но мама

Мира Ивановна Овчинникова родилась в 1936 году в г. Мелекессе Куйбышевской (ныне Ульяновской) области. Военное детство Миры прошло в г. Орск Чкаловской (ныне Оренбургской) области. После войны вместе с будущим супругом Юлием Семёновичем училась в Уральском политехническом институте. С 1969 года семья проживает в Заволжском районе г. Ульяновска. Мира Ивановна и Юлий Семёнович работали в НПО «Марс» (Мира Ивановна в 1969–1991 годах, Юлий Семёнович в 1969–2004 годах).

твердо ответила: «Надо!» Позднее я узнала, что у Марины Цветаевой тогда, в лихолетье, платье тоже было из мешковины.

По воскресеньям мама с соседкой стала ходить в деревню менять одежду на продукты. Помню, проснулись мы с Галей, соседской девочкой, одни. Есть хотим... Заспорили, кто больше есть хочет.

«Я больше хочу, я вчера вечером поела, а сегодня нет». – «Нет, я больше. Я вчера вечером не ела, а сегодня-то как есть хочется...» Спорили, спорили и подрались. Но тут мамы наши вернулись. Выручили.

Есть хотелось всегда, даже ночью. Летом мы собирали разные травы, в рот шло всё, что не было горьким. «Смотрите, не наешьтесь белены», – сказала мне мама. «А какая она?» – спросила я.

Лакомством была жвачка из смолы (ею рыбаки смолили лодки).

А ещё мы играли. С утра и до вечера, позднего вечера, а мамы работали по 12 часов. В игре забывали о голоде. Детство мне вспоминается счастливым, ведь мы играли в дом!

Играя, мы, конечно, спорили, как все дети. Наши споры и ссоры в игре разрешала одна девочка. Она была старше нас, жила на другой улице, но

Детский сад. Орск. 24 июня 1941 года

её звали, если что... Уже будучи совсем взрослой, я читала у И.Я. Яковлева о самоорганизации детей в деревне в начале XX века. Вот и с нами та девочка играла в разные игры, утирала слёзы, прикладывала листик к разбитой коленке, была нам, как мать. Ведь мы росли на улице!

По нашей станции всё шли и шли составы на фронт. Кто-то точил снаряды, выпускал из заводских ворот танки, пушки, самолёты, а мы просто росли...

Зима 1943 года. Великая наша победа в Сталинграде! Мы о ней знали: многим фашистам как уж пришёл под Сталинградом.

У нас в городе всё меньше и меньше давали продуктов на карточки. С отвращением вспоминается искусственный жир лярд. Мама его ела, а я не могла. Помню, привезли на телеге американскую помощь: одежду. Вышла из дома баба Катя. У неё сын на фронте, дома внучата малые – мать у них умерла. Долго перебирала баба Катя одежду – не знала, как поступить: всего одну вещь можно было с той телеги взять.

Уже во взрослом возрасте я прочла, что Чарли Чаплин призвал американцев собирать пожертвования для Советской страны, которая теряла

своих лучших сынов, загоняла Гитлера в его чёрное логово. Во время войны было плохо с одеждой не только у нас, но и в некоторых странах Европы. В Англии даже ввели талоны на одежду. А наши фабрики шили одежду исключительно для фронта.

Весной жить становилось легче. Мы ходили в поле за мёрзлой картошкой, из которой наши матери стряпали лепёшки.

Мама собирала меня в первый класс. Это было непросто, ведь в магазинах продавали только хлеб по карточкам.

Всё для фронта, всё для Победы! В школе преподавали все предметы, даже пение (разучивали маршевые песни) и рисование, рукоделие. Первый мой рисунок в школе – яблоко, первая вышивка – птичка, как на старинных полотенцах. К праздникам мы готовили посылки на фронт. Шили варежки на три пальца, кисеты нашим бойцам. Тряпочки для кисетов выбирали попроще, и «шнурок» непременно хотелось сыскать. Кисет шили просторный, чтобы жменя табаку туда входила, а шнурок – с запасом, чтобы даже богатырская ручища в кисет могла войти. Потом кисеты вышивали-расшивали. Иногда и письмо вкладывали с пожеланиями:

Будь смелым, будь храбрым
В жестоком бою,
За Русскую землю сражайся...
С Победою к нам возвращайся.

Осенью, когда взрослые уходили с полей, мы, дети, вернувшись из школы, бежали собирать колоски. А ржише-то (поле, где рожь росла), ой-ой, неоглядное...

Всю войну по карточкам был только ржаной хлеб: рожь родит всякому, а пшеничка-то – по выбору. Пшеничка была до войны дружна с хлеборобами, да они все на фронт ушли. Всю войну только ржаной хлеб по карточкам: 300 граммов мне и 400 граммов маме (она учительница), и никакого приварка.

Мы были тимуровцами и помогали многодетным семьям красноармейцев. Огород поливали, пололи, дрова пилили и кололи, с маленькими нянчились. Красные звёздочки на воротах извещали прохожих, что здесь есть помощники. Хоть и трудно было (особенно воду таскать), но радостно: мы вместе, мы помогли семье бойца!

Много лет прошло, а всё вспоминаются мне годы войны...

Мира Мошкова

(так я подписывала школьные тетради)